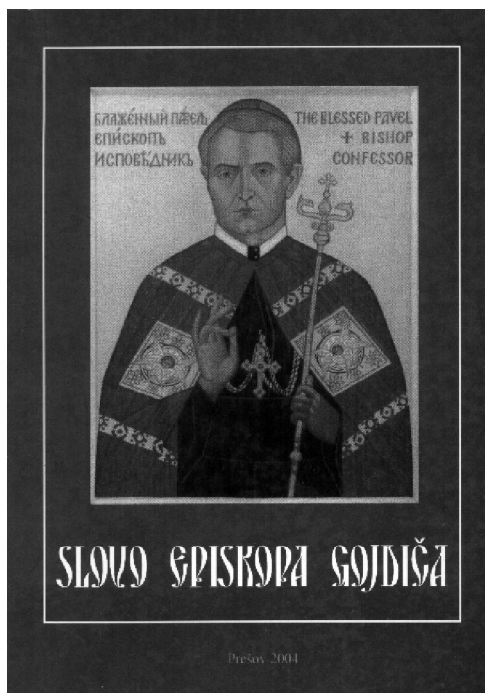

Михаил ДРОНОВ

В КОПИЛКУ ГОЙДИЧИАНЫ

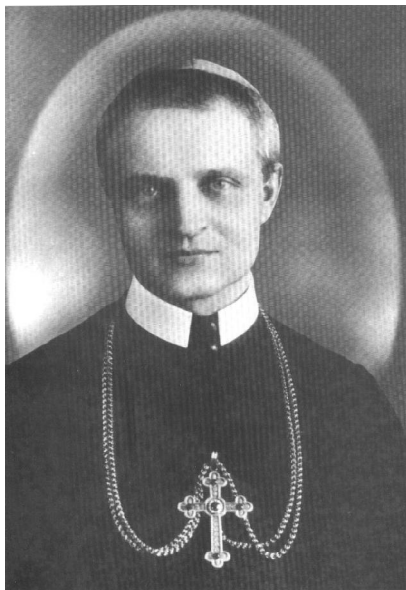
(Slovo episkopa Gojdiča. Výber z publikovaného dedičstva blahoslaveného biskupa Pavla Gojdiča. Editor J. Birčák. Prešov, 2004. – 267 s.)

Одной из наиболее ярких фигур Пряшевщины в XX столетии, без сомнения, является личность епископа Павла Петра Гойдича, ЧСВВ¹ (1888-1960), возглавлявшего Пряшевскую греко-католическую епархию с 1927 по 1950 г. Его епископское служение (сперва в качестве апостольского администратора, а с 1940 г. – полноправного епископа) совпало сразу с четырьмя различными политическими режимами. После насильственной ликвидации ГКЦ в Чехословакии в 1950 г. Гойдич, отказавшийся перейти в православие, был арестован, а в 1951 г. на инсценированном судебном процессе осужден на пожизненное заключение. 17 июля 1960 г., точно

в день своего семидесятидвухлетия, он скончался. Уже в наше время, 4 ноября 2001 г., Римский папа Иоанн Павел II причислил епископа Гойдича к лику блаженных.

Счет публикаций о Гойдиче в периодических изданиях, сборниках и т.д. ведется, вероятно, даже не на сотни, а на тысячи. Ему же посвящен и ряд отдельно вышедших публикаций, принадлежащих перу В. Гопко², А. Пекара, ЧСВВ³, М. Поташа, ЧСВВ⁴, П. Штурака⁵,

Т. Андрейова⁶. Однако, несмотря на обилие публицистической и, в несколько меньшей мере, научной литературы о покойном епископе-мученике, вплоть до сих пор оставались непереизданными тексты самого Гойдича. Причина этого парадокса, вероятно, объясняется тем, что в отличие от большинства современных греко-католических архипастырей Карпатского региона владыка Гойдич был предан не только церкви, но и национальным интересам русинов.

Восполнить упомянутый пробел в современной гойдичиане было призвано осуществленное в конце 2004 г. издание книги «Slovo episkopa Gojdiča. Výber z publikovaného dedičstva blahoslaveného biskupa

Pavla Gojdiča», подготовленной усилиями неравнодушного к истории Пряшевщины профессора физики Ивана Бирчака (Dr. h. c. prof. RNDr. Ján Birčák, PhD.). В своей краткой статье мы постараемся познакомить читателя с новой книгой, указав на ее достоинства и отдельные недостатки. Параллельно с этим нам также хотелось бы поделиться собственными размышлениями о прошлом и настоящем русинов Словакии.

Направленность публикации проявилась уже в названии: как известно, в словацком языке для обозначения епископа теоретически должно использоваться слово *biskup*, а не *episkop*. Последнее, использованное составителем, свойственно для восточнославянских языков и доминирующей у их носителей восточнохристианской традиции.

Главную часть книги образуют опубликованные письма, обращения, проповеди, пастырские послания, распоряжения и указания Гойдича, подобранные на основании персональной библиографии епископа⁷ и воспроизведенные на языке оригинала. Все материалы разделены по хронологическому принципу на три главы, а именно: «Roky veľkých nádejí (1927-1932)» (s. 35-109), «Obetavá práca pre svoju cirkev a svoj národ (1933-1945)» (s. 117-172) и «Nezlomný duch na krížovej ceste (1945-1960)» (s. 173-214). К каждой главе прилагается краткий комментарий пряшевского историка Андрея Ковача (PhDr. Andrej Kovač, CSc). В общей сложности в книге приведено около двухсот текстов владыки.

В первой главе, посвященной сравнительно «спокойной» фазе правления Гойдича, что и не очень удивительно, явственно доминируют тексты собственно религиозного содержания. Однако уже в конце 20-х – начале 30-х гг. епископ отчетливо проявил себя как национальный вождь русинов. Например, в одном из архипастырских посланий 1930 г., начинающемся с красноречивого призыва «Љубим naš Russkij narod i rabotajte za neho», Гойдич, обеспокоенный прогрессирующей словакизацией, отмечал, что «vorohi bez čisla rozmnožilisja okolo neho (Russkoho naroda, т.е. русинов – М.Д.)». И далее: «Propadnut naši Rusiny, Rusiny Duchnoviča, Pavloviča, Velikoho Valija, jesli ne podame im pomočnu ruku. A kto zvannyj do toho boľše, jak my, provaditeli naroda, kotorych Hospod' Boh povolal i pomistil na čeli jeho. Nas obremeňajet otvičal'nost' tak za religioznu, jak i nacional'nu budúcnost' jeho i pred Bohom, i pred Ľud'mi, i pered istorijeju» (s. 48).

В том же послании обращает на себя особенное внимание следующее высказывание: «Naučte jeho (Rusina – М.Д.) роčitati čužoje, ale iz ciloho serdca Ľubiti svoje; naj ne haňbit'sja naš Rusin pro svoju russku besidu i narodnost', no v svidomosti svojej prinadležnosti do najboľšoho naroda, hordo naj podneset svoju holovu pred svitom» (s. 49). Эти слова, несомненно, ориентированные на укрепление местного русинского (выражаясь тогдашним языком – русского) самосознания, апеллируют к родству малочисленных русинов Пряшевщины со всем восточнославянским миром.

Большую заботу владыки вызывало сохранение в епархии русского языка. Уточним, что речь шла, естественно, не о классическом русском литературном стандарте, а о поливариантном «язычии», в различных пропорциях объединявшем в себе как русские литературные, так и местные диалектные особенности⁸. Приведем отрывок из обращения епископа к директорам находившихся в ведении епархии народных школ от 3 августа 1929 г.: «Doneseno Praviteľstvu Jeparchial'nomu, čto našlisja čkoly ne s russkim prepodavat. jazykom, na kotorych russkomu jazyku porjadočno ne obučalosja. Čtob učeniki i tych našich narodnych škol russkoj hramoti porjadočno naučalisja, sim rasporjažajetsja, čtob na cerkovnych našich školach russkomu jazyku najmeneje v trech nedil'nych urokach prepodavalosja. ... Na vsich russkich urokach soobščatisja iskl'učitel'no jazykom russkim, vo sviditel'stvi na porožnoj rubriki vpisati Russkij jazyk i zaslužennuju otmitku» (s. 95-96).

Стремясь к необходимой стандартизации языка, своим распоряжением № 2914 за 1929 г. П. Гойдич официально утвердил для преподавания в школах епархии известную русофильскую грамматику Евмения Сабова⁹ (s. 96).

Крайне богатой на национальную проблематику является вторая глава, посвященная периоду вплоть до окончания второй мировой войны. В течение всех 30-х гг., т.е. еще в едином Чехословацком государстве, усиленно набирал силу словацкий национализм. Особенно это касалось опять-таки образования на Пряшевщине. Свидетельство тому находим, например, в открытом письме епископа президенту Чехословакии Т.Г. Масарику, в котором Гойдич в частности писал: «Narod zdenacionalizujetsja, diti ne učatsja, ale mučatsja, jako mučilisja za maďarski časy, u naukach zaostanut, ibo chiba každoje druhoje-treťoje slovo učiteľ'a porazumijut, a osoblivo terpit cerkov, ibo nit komu Bohosluženijsa sover'ati. ...Ubiždeny my v tom, čo Pan Prezident o tich vsich naspravedlivost'ach, jaky nam dijutsja, ne znajete, proto userdno prosime, blahoizvoľat gasporjaditi, **čtoby v selach russkich po russki vyučovalosja** (выделено в оригинале – М.Д.)» (s. 148).

14 марта 1939 г. на карте Центральной Европы появилась формально самостоятельная, а фактически находящаяся под контролем Германии Словацкая республика, ведомая национал-клерикалами во главе с о. Й. Тисо. Естественно, русинское нацменьшинство, имевшее несчастье состоять в определенном родстве с населением СССР, а потому часто обвинявшееся в просоветских симпатиях, нередко было принуждаемо к отказу от собственной культуры и идентичности. Практически единственным серьезным институтом, остававшимся на страже русинских интересов, было именно Пряшевское греко-католическое епископство.

В отличие от многих своих римско-католических коллег, Гойдич не симпатизировал Третьему Рейху и вообще праворадикальным идеям. О личном мужестве епископа свидетельствует, в частности, его обращение к священникам, датированное 25 января 1939 г. Позволим себе процитировать отдельные моменты: «Žijeme v zakoločennych časach nacionalizma, šovinizma, rasizma. Jako nova nebezpečna jeres' svirepstvujet po cilomu svitu a osobenno v Jevropi, i beret svoji žertvy tota nesčastna a zaraziteľ'na nauka, kotora v čeloviku v prvom rjadi japonca ili kitajca vidit a ne čelovika, ne svojeho bližňaho. ... Poneže modernyj hrich šovinističnaho svitohľadu tu-tam pokušajet uže i svjaščennikov i premnoho krivdy a nespravedlivostej narobil, a vsehda boľše a boľše robit' bližnym, a s tim premnoho škodit' i Svjatoj Cerkvi, i dušam, proto vozzyvaju Vpr. OO. Svjaščennikov, čtoby chranilisja ot toj nebezpečnoj epidemii...» (s. 155-156). Вероятно, эти слова были, в первую очередь, адресованы немногочисленным клирикам - этническим словакам, более подверженным господствовавшим в Словакии националистическим настроениям.

Заслуживают внимания патриотические выступления епископа перед учащимися и преподавателями Пряшевской русской гимназии¹⁰ соответственно перед началом и в конце 1943/1944 учебного года (s. 158-164). Удивительно, но несмотря на военное лихолетье и не самое доброжелательное отношение со стороны государства, гимназия все же продолжала воспитывать национальную интеллигенцию. Первостепенная заслуга в сохранении русинского образования принадлежала именно Гойдичу.

Третья глава затрагивает последние годы епископского служения и вообще земного пути П. Гойдича. Невольно бросается в глаза резкое по сравнению с предыдущей главой снижение количества «национальных» тем. Это неудивительно. Дело в том, что 1 марта 1945 г. был создан т.н. Украинский национальный Совет Пряшевщины¹¹, переложивший на себя заботы о русинском населении Словакии. Таким образом, епископ Гойдич перестал быть единственным защитником национальных интересов русинов. Однако проблем не стало меньше. Следуя христианскому долгу, владыка как мог стремился облегчить участь единоверцев – украинских греко-католических беженцев из Польши (s. 207-208). Уже впоследствии подобные религиозные и человеческие контакты с галичанами сыграли важную роль в очернении епископа, сделав из него, как это не парадоксально, украинского буржуазного националиста.

В феврале 1948 г. в результате правительственного путча власть в Чехословакии перешла в руки Коммунистической партии, что обеспечило стране совершенно четкую просоветскую ориентацию. Практически бесправное положение греко-католиков характеризуют такие выдержки из письма епископа Гойдича президенту К. Готвальду от 8 марта 1949 г.: «*Za maďarskej vlády boli sme panslávni, za prvej ČSR maďarónmi, za slovenského štátu partizánmi, komunistami a rusofilmi a teraz opätovne sme banderovcami a nespoľahlivými. ... Naša diecéza aj pri svojej chudobe odovzdala dosiaľ štátu v Prešove: Školské budovy 1) ľudovej školy, 2) meštianskej školy, 3) učiteľskej akadémie. Dva veľké internáty 4) jeden pre 120 chovancov a 5) druhý pre 150. Teraz sme odovzdali spomenutý 6) zhabaný kláštor a pri ňom 7) kaplnku na potreby štátu. Opravujeme ešte aj 8) veľkú diecéznu budovu pre potreby KNV v Prešove, ale najúctivejšie Vás prosím, nedovoľte odobrať od nás ešte aj to posledné, čo k slobodnému náboženskému životu bezpodmienečne potrebujeme*» (s. 211-212).

Переломным стал 1950 г., когда в Чехословакии вслед за «воссоединенной» Западной Украиной была ликвидирована греко-католическая церковь. Несомненно, до сих пор проблематика унии не имела и, видимо, не может иметь однозначную оценку. Причем даже в исто-

риографии, не говоря о публицистике, господствуют крайние взгляды на данную проблематику. Не секрет, что, например, с точки зрения православной церкви, к которой себя относит подавляющая часть восточных славян, переход (или возвращение) из унии в православие рассматривается как совершенно закономерное и однозначно положительное явление. В преимущественно католической среде обычно господствует прямо противоположное мнение. Мы не считаем себя в праве затрагивать эту крайне болезненную и далеко не простую тему. Скажем лишь, что процесс декатолизации на Пряшевщине был сильно форсирован правящим коммунистическим режимом. Поэтому в данных обстоятельствах православие, невольно для самого себя, оказалось дискредитированным в глазах значительной части населения¹². Гойдич не пожелал стать православным архиереем (хотя это ему неоднократно предлагалось), тем самым подтвердив, несмотря на обрядовую близость, верность именно католическому вероучению. Мы отказываемся давать теологическую оценку данному поступку, повлекшему мучения и в итоге смерть епископа. Не поддается сомнению лишь нестигаемый религиозный дух П. Гойдича, управлявший его внешне небольшим и хилым земным телом.

«... ani velezrady, ani špionáže som sa nikdy nedopustil. Banderovca som nikdy nevidiel, a keď náhodou medzi kňazmi, ktorí prichádzali ku mne ako kompetentnému biskupovi boli takí, nevedel som, že sú banderovci. Žiadne špionážne správy nikomu som nedával. Informácie, ktoré som podával Sv. Stolici, poťažne apost. nunciatúre v Prahe o stave diecézy boli náboženského rázu a vzťahovali sa na kňazov a rehoľné osoby, ako to robieva každý kat. biskup na svete» (s. 213), - тщетно писал генеральной прокуратуре в 1956 г. заключенный Гойдич. К сожалению, ему уже никогда не было суждено выйти на свободу, а тем более вернуться к пастве. Данное письмо включает главу и соответственно важнейший блок книги.

Как можно было заметить по цитированным нами отрывкам, большая часть текстов, особенно ранних, написана на уже упоминавшемся «язычии» (хотя также встречается словацкая и чешская речь), в одних случаях больше приближающемся к русскому литературному языку, а в других - к народной речи Пряшевщины. Некоторым недостатком книги, которая, по замыслу И. Бирчака, адресована далеко не одним специалистам, является то, что все кириллические тексты для удобства обычных читателей приводятся в словацкой латинице (мы лишь сохранили это при цитировании). К сожалению, проблема заключается не только в неадекватном отражении восточнославянских звуков словацкими графемами, но и в неизбежной многовариантности прочтения и, соответственно, транслитерации текстов, т.е. в соответствии

с русским литературным или же сильно от него отличающимся местным произношением.

Учитывая солидный объем текстов Гойдича, у нас, например, возникали определенные сложности с ориентированием в них. На наш взгляд, было бы правильнее указать в оглавлении не только главы, но и конкретные тексты, что значительно бы облегчило работу с книгой.

Также, как нам кажется, не совсем обоснована граница между первой и второй главами (1932/1933), не совпадающая с датами каких бы то ни было серьезных политических изменений в Чехословакии. Мы бы придали большее значение судьбоносному 1939 году, когда возникло самостоятельное Словацкое государство, а епископ Гойдич в связи с переделом границ стал еще апостольским администратором Мукачевской апостольской администрации в Словакии (т.е. приходов Мукачевской епархии, оказавшихся в словацких границах).

Еще в книге помещены воспоминания последнего секретаря владыки Гойдича о. Мариана Поташа, ЧСВВ (Dr. Ján Marián Potaš, OSBM)¹³ (s. 8-24) и содержательный исторический очерк «Biskup Pavel Peter Gajdič a jeho doba» сотрудника Института истории САН Михаила Барновского (PhDr. Michal Varnovský, DrSc.)¹⁴ (s. 225-254). Почему-то сразу же обращает на себя внимание употребление этими авторитетными авторами применительно к населению Пряшевщины сомнительного, на наш взгляд, этнонима *Rusíny-Ukrajinci* (параллельно с формой *Rusíny*)¹⁵. К слову, составитель книги И. Бирчак, известный в пряшевских кругах скорее как умеренный украинофил¹⁶, сам отдал предпочтение именно нейтральному этнониму *Rusíny* (s. 5).

Здесь же приводится краткое жизнеописание епископа (s. 255-259), позаимствованное из современного издания Пряшевского епископства¹⁷. По грустной иронии, в этом небольшом тексте вообще ни разу не встречается ни один восточнославянский этноним или образованное от него прилагательное. Исключением является «говорящее» название населенного пункта, в котором родился будущий епископ – *Ruské Pekľany*. Об этической принадлежности Гойдича сказано крайне расплывчато – что он «bol Slovanom a veľmi miloval svoj východný obrad» (s. 256). Все это наглядная иллюстрация замалчивания русинских корней Пряшевской епархии, продолжающегося уже несколько десятилетий.

Несомненно, полезным для современного читателя является объяснение церковной терминологии (s. 260-261). Также издание снабжено резюме на русском, украинском и английском языках (s. 262-264).

Несколько слов следует сказать об иллюстративном материале, заметно обогатившем книгу. В частности, речь идет об уникальных фотографиях владыки Гойдича и его родственников из личного архива

о.М. Поташа, ЧСВВ¹⁸, отдельных документах и современных фотографиях, касающихся увековечения памяти епископа. Также представлено несколько страниц из периодики 20-40-х гг., так или иначе связанных с епископом.

Говоря об иллюстрациях, нам хотелось бы остановиться на двух анкетах, заполненных П. Гойдичем в заключении соответственно в 1952 и 1960 гг.¹⁹ В первой собственная национальность указана им как «*rusinska*» (foto 27, s. 216), во второй, заполненной незадолго до кончины, «*ukrajinská*» (foto 28, s. 217). Невольно возникает вопрос: действительно ли за несколько лет Гойдич сознательно эволюционировал от русинской идентичности к украинской?

К сожалению, вероятно, мы уже никогда не узнаем, в каких конкретно обстоятельствах (например, при каких комментариях присутствовавшего охранного персонала) заполнялась последняя анкета. Не думаем, что ослабленный тюремными мучениями человек, задумывавшийся скорее не о земной, а о предстоящей небесной жизни, имел желание лишней раз конфликтовать со своими мучителями из-за восточнославянских этнических нюансов. Нам кажется, для П. Гойдича было принципиально важно, чтобы не была записана словацкая национальность. Однако, стремясь к сохранению объективности, мы должны признать, что, кроме данного документа, у нас больше нет свидетельств, ни подтверждающих, ни опровергающих его украинство²⁰. В любом случае, собственно архипастырское служение владыки говорит о явно локальной ориентации Гойдича, связанной с Украиной лишь общностью веры или обряда и принадлежностью к Руси - восточному славянству.

Книгу высоко оценили ее рецензенты – заведующий кафедрой словацкой истории и архивного дела Пряшевского университета профессор Петер Шворц (Prof. PhDr. Peter Švorc, PhD.) и викарий для русинов Словацкой республики Петр Павел Галько (O. Mgr. Peter Pavel Hal'ko), отрывки из заключений которых помещены в самом конце книги.

Нужно признать, что «*Slovo episkopa Gojdiča*» хотя и не самое обширное, однако наиболее информативное издание, посвященное легендарному епископу-русину. Можно сказать, что если бы кто-то хотел прочесть только одну книгу о Гойдиче, таковой книгой с оптимальным успехом могло бы стать детище И. Бирчака. Именно этому патриоту Пряшевщины при помощи поддержавших его начинание спонсоров удалось подготовить, пожалуй, наиболее оригинальную и многогранную публикацию. Замеченные же нами небольшие недостатки, отражающие наше субъективное мнение, ни в коем случае не влияют на значимость книги как для гойдичианы, так и для русинистики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. ЧСВВ – Чин (т.е. орден) св. Василя Великого. Латинський варіант: OSBM – Ordo sancti Basilii Magni.
2. [Hopko V.] J.E. Pavel Gojdič, ČSVV, jeписkop Prjaševskij. K jeho dvadcaťročnomu jubileju so dňa jeписkopskoho posvjačeniја (1927-1947). Prjašev, 1947. Об авторстві Василя Гопко см.: Пекар А.В., ЧСВВ. Нариси історії Церкви Закарпаття. Рим-Львів, 1997. Т. II. С. 283.
3. Пекар А., ЧСВВ. Василянин-ісповідник. Життя єп. П. Гойдича, ЧСВВ. Нью Йорк, 1962; Пекар А., OSBM. Bishop Paul Gojdich, OSBM. Pittsburgh, 1980.
4. Potaš M., ЧСВВ. Життя, віддане Богові. Львів, 1994-1995. Т. I-II.; Potaš M., OSBM. Dar lásky. Spomienky na biskupa Pavla Gojdiča, OSBM. Prešov, 1999.
5. Šturák P. Otec biskup Pavol Gojdič, OSBM (1888 – 1960). Prešov, 1997.
6. Andrejov T. Bl. Pavel Gojdič, OSBM biskup prešovský. Prjašiv, 2001.
7. Barriovová K., Blašková E. Pavel Gojdič, OSBM, gréckokatolícky biskup (1888-1960) (Personálna bibliografia). Košice, 1998.
8. Чаще всего в работах современных ученых «язычие» у восточных славян Карпатского региона получает резко отрицательную оценку. Взвешенностью отличается мнение Н.М. Пашаевой, касающееся литературно-языковой ситуации в Галичине, но, на наш взгляд, во многом актуальное и для южных склонов Карпат: «Нам думается, что устойчивое присутствие «язычия» в галицко-русской литературе можно объяснить тем, что значительным его элементом был церковнославянский язык, язык богослужения. Писателями часто были священники, а читателями их прихожане, хорошо понимавшие язык батюшек, хотя и не говорившие на нем». См.: Пашаева Н.М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001. С. 47-48.
9. В действительности авторство этой грамматики принадлежит целому коллективу педагогов, в состав которого входили кроме самого Е. Сабова, пользовавшегося наибольшим авторитетом, А. Григорьев, И. Поливка, В. Шпеник, В. Анталовский, М. Василенков и др. «Душой коллектива» и, вероятно, главным автором был российский эмигрант (иногда ошибочно называемый галицким русофилом) Александр Григорьев. См.: Шлепецкий И.С. Александр Дмитриевич Григорьев (1874-1945) // Карпаторусский календарь Лемко-Союза на год 1965. Сост. Н. Цисляк. Юнкерс, Н.Й., б.г. С. 89-90; Magocsi P.R. The Language Question Among the Subcarpathian Rusyns. Fairview, New Jersey, 1987. P. 17; Магочій П.Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848-1948). Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994. С. 87; Сюзько М. Євмен(ій) Іванович Сабов: 145-річчя з дня народження літературознавця і фольклориста (1859-1934) // Календар краєзнавчих пам'ятних дат на 2004 рік: Рекомендаційний бібліографічний посібник. Уклад. Т.І. Васильєва, Г.В. Бобонич. Ужгород, 2003. С. 190-191.
10. Пряшевская русская гимназия была открыта в 1936 г. при непосредственном участии владыки Гойдича. Подробнее о ранней истории гимназии см.: Ванат І. Місце і роль Пряшівської руської гімназії в розвитку української

культури Пряшівщини // 50 років Пряшівської української гімназії (1936-1986). Упор. Л. Бабота, А. Тилняк. Братіслава-Пряшів, 1988; *Дуцар А.* Декілька зауважень до заснування Пряшівської руської гімназії та її діяльності // 50 років Пряшівської української гімназії (1936-1986). Упор. Л. Бабота, А. Тилняк. Братіслава-Пряшів, 1988; *Бескид Г.* Дала повноцінну освіту русинам (65 років Грекокатолицької руської гімназії в Пряшові) // Русинський народний календар на рік 2001. Зост. М. Гиряк, А. Зозуляк. Пряшів, 2000.

11. П.Р. Магочий следующим образом оценил деятельность Совета: «Українська народна рада была успішна у сфері культури. Помогла організувати Український народний театр, видавництво (Славкнига), шкільський реферат (Реферат українських шкіл), організацію молодих (Союз молоді Карпат) і впливни новинки Пряшещина (Пряшов, 1945-1952). І хочь в назвах згаданих організацій было слово український, вшитки публікації, гри в театрі, выголошіня і т.п. были в руськім языку, а не в українськім. Шкільський систем ся дость розріс, аж на 275 основных школ, 41 міщанських, 4 гімназії і 2 одборны школы. У вшиткых згаданих типах школ ся учіло на літературнім руськім языку, а не по українські». См.: *Марочій П.Р.* Русини на Словенську. Историчный перегляд. Пряшов, 1994. С. 47. Следовательно, за исключением коммунистической составляющей, культурная политика Совета в первые послевоенные годы не имела кардинальных идеологических отличий от предыдущей деятельности на этой ниве владыки Гойдича.

12. Когда в 1969 г. вследствие легализации ГКЦ приблизительно в 210 приходах Пряшещины были проведены плебисциты, лишь 5 из них решили остаться православными. См.: *Марочій П.Р.* Русини на Словенську. С. 52-53.

13. В рассматриваемой книге приводится форма *O. JUDr. Marián Potaš, ČSVV* (s. 8).

14. См. фундаментальные монографии М. Барновского в соавторстве с Я. Пешком: *Pešek J., Barnovský M.* Štátna moc a cirkvi na Slovensku 1948-1953. Bratislava, 1997; *Pešek J., Barnovský M.* Pod kuratelou moci: Cirkvi na Slovensku v rokoch 1953-1970. Bratislava, 1999.

15. Речь идет о том, что во время управления епархией владыкой Гойдичем восточнославянское население Пряшещины в своем подавляющем большинстве не отождествляло себя с украинцами, а тем более с русинами-украинцами (хотя сам этот термин известен с XIX в.). Мы не склонны отрицать, что на сегодняшний день люди с русинско-украинской идентичностью играют большую роль. Свидетельством тому является, например, существование Союза русинов-украинцев Словацкой республики, наследника Культурного союза украинских трудящихся в ЧССР (1954-1990). Попытка обоснования русинско-украинского единства, а, следовательно, легитимности употребления двойного этнонима, приводится, например, в брошюре уважаемого нами академика Н. Мушинки. См.: *Mušinka M.* Rusíni-ukrajinci – jedna národnosť. Prešov, 1997. Однако последняя перепись населения (2001 г.) выявила в Словакии 24201 русинов и 10814 украинцев. Русины-украинцы отдельно вообще не фигурировали. См.: *Sebareflexia postavenia a vývoja Rusínov na Slovensku.* Koordinátor projektu J. Lipinský. B.m., 2002. S. 93-94. Таким образом, даже оперируя применительно к прошлому современной официальной терминологии

гий, на основанні однозначного домінування носителів русинського самосвідчення нам представляється набагато більш логічним використання етноніма *русини* (*Rusíny*), а не *русини-українці* (*Rusíny-Ukrajínci*) або *українці* (*Ukrajínci*). В разі ж пошуку єдиної формули для членів із початку єдиного, а в даний час розділеного восточнославянського етнічного масиву Пряшівщини, базуючись на результатах перепису, можна говорити про русинів і українців, а не русинів-українців. Невідомо забувати, що ці дві групи кардинально відрізняються, наприклад, уявлення їх членів про власні етнічні межі і літературною мовою.

16. Краснакнижний словник русинів-українців: Пряшівщина. Упор. Ф. Ковач. Пряшів, 1999. С. 41.

17. *Životopis blahoslaveného biskupa-mučeníka Pavla Petra Gojdiča*, OSBM / / *Moleben k blahoslavenému biskupovi-mučeníkovi Pavlovi Petrovi Gojdičovi*, OSBM. Zost. M. Durlák. Prešov, 2001. S. 26-30.

18. Совсем недавно о. М. Поташ, ЧСВВ, выпустил отдельный сборник фотодокументов, посвященных епископу Гойдичу. См.: *Potaš J.M.*, OSBM. *Martyr Episcopus Prešovensis Peter Pavel Gojdič*, OSBM. 1888-1960. Prešov-Пряшів, 2004.

19. Данные анкеты уже были опубликованы ранее в: *Potaš M.*, OSBM. *Dar lásky. Prilohy č. 18-19*, s. 352-353.

20. Речь идет исключительно о документах. Свидетельства современников носят субъективный характер. Но и они скорее свидетельствуют против «украинской» версии или же подтверждают сравнительно спокойное отношение Гойдича к вопросам взаимной конкуренции восточнославянских национальных идеологий. В качестве примера приведем мнение известного уроженца Пряшівщини, епископа о. Севастьяна Сабола, ЧСВВ (литературный псевдоним – Зореслав, 1909-2003), высказанное им в интервью Н. Мушинке: «Єпископ був мені дуже близький і ставився до мене щиро. Я підсував йому літературу, що формувала мої українські національні погляди (бо в свій час я теж був москвофілом!), - Костомарова «Дві руські народності», статті Огієнка, друковані у Львові. Владика мені часто повторяв: «Якби була Україна самостійною державою, то всі ми були б українцями, бо ми ж прийшли з київського Поділля». На відміну від священників-мадяронів чи москвофілів, він не ставився до української ідеї вороже, хоч і мав упередження до деяких галицьких священників, що приходили через Пряшів 1944 р.» См.: *Мушинка М.* «Доля Пряшівщини близька моему серцю»: Інтерв'ю з поетом Зореславом (Севастьяном Саболом) // Дукля. 1990, № 5. С. 39.

ПОДПИСИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ:

1. На обложке книги - икона блаженного Павла кисти Солрун Нэс (Solrunn Nes) из Норвегии.

2. Епископ Павел Петр Гойдич, ЧСВВ // Русское Слово. XI, ч. 5 (426), 1 марта 1934. С. 3.